

привносились новые черты, характерные для цехов русских городов. Хотя в течение первой половины XIX века традиционные ремесленные мастерские преобладали, все более заметным становился процесс перерастания их в предприятия мануфактурного типа, которые, в свою очередь, отличались неустойчивостью из-за целого ряда факторов. Появились новые технологии и материалы, что оказывало существенное влияние и на качество ремесленных изделий и особенности труда мастеров. Они стали более однообразными, суховатыми, потеряли изящность, присущую таким изделиям в предыдущем периоде [4].

Среди ремесел XIX – нач. XX вв. наибольшее развитие получили портняжное и сапожное ремесла, изготовление продукции которых требовало высокой квалификации мастера. При этом производство продукции было ориентировано на удовлетворение утилитарных потребностей. На втором месте прочно утвердились ремесленники, занимавшиеся изготовлением предметов домашнего обихода: кузнецы, столяры, плотники, слесари, гончары, керамисты, в изделиях которых зачастую преобладал элемент художественности. Затем шли часовщики, печатники, переплетчики. Следует отметить, что все они изготавливали свою продукцию не столько на заказ, сколько на рынок. Изделия в основном были упрощенными и примитивными, что было определено низкой покупательской способности рабочего люда, который был главным потребителем данной продукции [3]. Богатое декоративное оформление значительно поднимало цену изделия, и мастера, чтобы выдержать конкуренцию с промышленным производством, вынуждены были упрощать изделия и тем самым удешевлять их. Главной задачей городских ремесленников данного периода было «устоять» под натиском фабрично-заводского производства, сохранить, развить и донести до потомков своеобразие художественного ремесла, соединившего в себе самобытную традиционную школу и технические, технологические и художественные новинки времени. Следует отметить, что им это удалось. Мастерами были созданы многие интересные и своеобразные изделия, которые и сегодня удивляют нас художественной завершенностью, тонким вкусом и мастерством.

Список использованных источников

1. Левко, О. Н. Витебск / О. Н. Левко; Нац. акад. наук Беларуси, Ин-т истории. – Минск: Беларус. навука, 2010. – 335 с.
2. Рудко, Е. А., Бездетко, О. С. Организация ремесла в Витебске от братств до мануфактуры / Е. А. Рудко, О. С. Бездетко // Восточнославянский город в период Средневековья и Нового времени (к 1050-летию Витебска): материалы международного круглого стола / УО «ВГТУ». – Витебск, 2024. – С. 113–118.
3. Русецкий А. В., Русецкий Ю. А. Художественная культура Витебска с древности до 1917 года / А. В. Русецкий, Ю. А. Русецкий. – Минск: БелЭн, 2001. – 288 с.
4. Чепко, В. В. Города Белоруссии в первой половине XIX в.: Экой, развитие / В. В. Чепко. – Минск : Изд-во БГУ, 1981. – 143 с.

УДК 1 : 326

ПРОБЛЕМА КВАДРОБИНГА СКВОЗЬ ПРИЗМУ СИМВОЛИЧЕСКОГО ИНТЕРАКЦИОНИЗМА Д. МИДА

Минина К. В., студ., Рудко Е. А., доц.

*Витебский государственный технологический университет,
г. Витебск, Республика Беларусь*

Реферат. В данной статье предпринята попытка анализа нового интернет-феномена и современной проблемы – квадробинга, с использованием основных положений концепции символического интеракционизма Д. Миды.

Ключевые слова: квадробинг, символический интеракционизм, самость, значимый другой, обобщенный другой.

Общество – это сложная социальная система, взаимодействия в которой регулируются кооперативными процессами деятельности и институциональным функционированием. При этом каждый вовлеченный во взаимодействие индивид, с целью эффективного

функционирования, должен принять всеобщие установки системы. С целью понимания особенностей функционирования индивида в социальной системе, американский социолог Д. Мид разработал социологическую парадигму символического интеракционизма, которая основывающаяся на том, что все формы взаимодействия людей в обществе подразумевают общение, базирующееся на определенных социальных символах, – языке, телодвижениях, жестах, культурных символах и т. д. Люди не реагируют на внешний мир непосредственно, они осмысливают реальность в неких символах и соответственно продуцируют эти символы в ходе общения [1].

Как утверждает Мид, через процесс принятия роли индивиды развивают самость (self) – способность представлять себя в качестве объектов своей собственной мысли. Самость формируется на основе социального опыта, поддерживается благодаря социальным контактам и имеет двойственную природу: self = «I» + «Me». В этой формуле «I» – субъективное представление индивидом себя; «Me» – обобщенные представления других, которые усваиваются индивидом, т. е. это то, как люди видят себя глазами других, что является результатом влияния социальных групп в виде норм и стандартов на отдельную личность. Общим механизмом формирования и развития самости является рефлексивность – способность индивида бессознательно ставить себя на место других и действовать так, как ведут себя окружающие. В результате люди обретают способность оценивать себя, как если бы это делали другие [2].

Мид выделяет две главные стадии в формировании самости индивида. Первая – это стадия игры (play stage), в процессе которой ребенок играет роли, которые не являются собственно его. Процесс игрового взаимодействия ребенка с воображаемым партнером позволяет ему осознать различие между ним самим и другими людьми. Это становится возможным благодаря тому, что ребенок играет и свою роль и роль партнера. Принимая какую-то роль, ребенок уже обладает определенным набором стимулов, которые могут вызывать адекватные реакции. Например, ребенок, играя в «доктора» или «продавца», назначает себе лечение и его выполняет, предлагает себе вещь и покупает ее и т. д. В данном случае именно благодаря рефлексивности продолжается общение, которое и формирует самость ребенка [2].

Вторая стадия в развитии самости – соревновательная стадия (game stage), которая предполагает, что принимая участие в соревновании, ребенок видит себя со стороны других участников. Например, играя в футбол, волейбол или бейсбол, ребенок осведомлен о своих отношениях с другими участниками, что требует от него представлять себя в роли других и тем самым оценить и корректировать собственное ролевое поведение. Таким образом, в отличие от игры в соревновании ребенок должен быть готов реагировать как на жесты, так и на значимые символы любого другого участника, принимать роли всех, чтобы адекватно исполнять свою собственную роль. Если в игре ребенок может переходить от одной роли к другой, как по собственному усмотрению, так и произвольно, то в соревновании его действия неизбежно основываются на выборе конкретных символов из множества возможных, что предполагает осмысленность, а главное развивает социальную способность оценивать себя глазами других. Соревнование представляет собой переход в жизни ребенка от стадии принятия роли других в игре к стадии организованной роли, которая имеет большое значение для самосознания и самооценки личности. Именно на стадии соревнования формируется полноценная самость ребенка, позволяющая ему эффективно участвовать в процессе коммуникации с другими людьми [2].

Любое организованное сообщество (спортивная команда, семья, иная социальная группа), которых Д. Мид называет «обобщенным другим» через выражение отношения всего сообщества к действиям индивида обеспечивает тем самым формирование его самости. При этом, установки «обобщенного другого» – это установки всего сообщества.

Люди видят и оценивают себя с точки зрения обобщенного другого, что создает основу для мышления, которое становится постоянно идущим внутренним диалогом между обобщенным другим и индивидом. Человек постоянно спрашивает, что подумают другие люди, и постоянно ожидает определенного отношения к себе со стороны социальных групп, к которым он принадлежит, что создает основу для коммуникаций и социального контроля. Именно таким образом «Me» осуществляет контроль над самовыражением «I».

Однако в обществе существует несколько обобщенных других, которые оказывают различное воздействие на индивида. Среди множества людей, с которыми индивид осуществляет коммуникацию, он выделяет тех, чьи оценки являются для него наиболее важными. Именно эти люди становятся для индивида «значимым другим». Зачастую

случается так, что целенаправленный воспитательный процесс, осуществляемый рядом обобщенных других, не совпадает с характером воздействия значимого другого. В данной ситуации ребенку приходится выбирать ценностные ориентиры и, в конечном счете, самому отвечать за свой выбор, и за свои действия. Благодаря двойственной природе самости индивиды обладают способностью не только усваивать, но и отвергать определенные ценностные установки. В принципе «I» у здорового человека способно подвергаться сомнению и выдерживать социальное давление со стороны «Me», при этом у общества всегда сохраняется возможность устанавливать ценности и нормы, регламентирующие приемлемое поведение.

Благодаря внутреннему взаимодействию «I» и «Me» люди становятся личностями, которые осведомлены, что ожидается от них в конкретных социальных и культурных условиях, и действуют соответственно: ставят цели, планируют будущее и просчитывают последствия от возможных альтернативных вариантов своего поведения. Благодаря «Me» люди чувствуют себя «комфортно» в любом обществе, а самовыражение со стороны «I» ведет к постоянным изменениям структур и функций самого общества [3].

В современном цифровизированном мире у ребенка расширяется перечень значимых других во многом за счет интернет-кумиров, которые зачастую влияют на становление самости индивида даже больше, чем непосредственное окружение в реальной жизни.

Сегодня одной из проблем, связанной с воспитанием детей и подростков, является проблема квадробинга. Первоначально квадробинг – это вид спорта, бег на передних и задних конечностях. Сейчас же этот спорт «перекочевал» в детское хобби и игру. И здесь главный вопрос в том, какое влияние может оказывать, казалось бы, безобидное увлечение на процесс становления самости ребенка. На стадии игры (play stage) становления самости, ребенок может «примерять» образы животных, тем самым изучая их. Примером такого поведения могут служить игры в детском саду, где ребенок узнает, что, например, белочки кушают орешки, а котики охотятся на мышей. В этом возрасте «I» ребенка не подвергает сомнению и не отрицает этот образ. На соревновательной стадии (game stage), ребенок способен оценивать свои действия и действия других, он самостоятельно принимает решение надеть ушки и хвостик понравившегося зверька. Во взаимодействии через игру с другими «зверьками» ребенок развивает не только физические навыки, но и изучает новые виды коммуникации. И здесь возможным является дальнейшее развитие ситуации в двух направлениях. В одном случае ребенок, проявляя своё «I», понимает, что поведение его зверька не присуще человеку и возвращается к нему только во дворе во время игры с друзьями. Позитивными аспектами такого увлечения являются: улучшение физических навыков, игры на свежем воздухе, живое общение вне интернета. В другой ситуации самость ребенка начинает проявляться в виде образа и повадок животного. Квадробинг становится реальной проблемой, когда ребенок перестает разделять реальность и выбранный игровой образ. Также проблема и в том, что родители в таких ситуациях беспомощны, ибо не являются значимыми другими и не могут повлиять на мнение ребенка. Значимыми другими для ребенка являются дети в интернете, которые имеют популярность. «I» такого индивида не может противиться «Me» в образе юного кумира и его «экранного» поведения. Острые проблемы возникают тогда, когда агрессивное поведение, присущее животному, ребенок начинает транслировать в повседневной жизни, принося вред не только себе, но и окружающим. «I» ребенка в этом случае не разделяет реальность и игру. Причинами такого ухода от образа человека могут быть скандалы и споры родителей, невыговоренность ребенка, попытка абстрагироваться от внешнего устрашающего мира.

Таким образом, в увлечении квадробингом существует тонкая грань, переходя которую нарушается нормальное социальное поведение и становление самости индивида. Предотвратить такое положение вещей возможно. Родители должны приложить все усилия, чтобы стать «значимым другим» для своего ребенка. Этого можно достичь через дружеское общение с ребенком; совместное времяпровождение; комфортную атмосферу в семье; диалог без давления с уважением личности ребенка. И это должно быть постоянно, а не эпизодически. Если контакт с ребенком потерян, родителям нужно обратиться за консультацией к специалисту.

Список использованных источников

1. Мид, Дж. Г. *Философия настоящего* / Дж. Г. Мид. – Москва: Изд. дом Высшей школы экономики, 2014. – 272 с.
2. Кравченко, С. А. *Социология: парадигмы через призму социологического*

воображения: учебник / С. А. Кравченко. – Москва: Издательство «Экзамен», 2007. – С. 262–276.

3. Рудко, Е. А. Социология личности: курс лекций / Е. А. Рудко. – Витебск: УО «ВГТУ», 2016. – 71 с.

УДК 908:23/28

КУЛЬТУРА СТАРААБРАДНІЦТВА ЯК ФАКТАР ФАРМІРАВАННЯ ІНТЭЛЕКТУАЛЬНАГА АСЯРОДДЗЯ ВІЦЕБШЧЫНЫ Ё XVII–XIX СТСТ.

Коршак А. А., студ., Уткевіч В. І., к.філал.н., дац.

*Віцебскі дзяржаўны тэхналагічны ўніверсітэт,
г. Віцебск, Рэспубліка Беларусь*

Рэферат. У артыкуле даследуецца роля культуры стараабрадніцтва ў фарміраванні інтэлектуальнага асяроддзя Віцебшчыны ў XVII–XIX стагоддзях. Аўтары аналізуюць ўплыў старавераў на развіццё адукацыі, кніжнай традыцыі і рэлігійна-філасофскай думкі рэгіёна. Асвятляюцца асаблівасці культурнай ідэнтычнасці стараабраднікаў, іх узаемадзеянне з мясцовым насельніцтвам. Робіцца выснова аб значэнні стараабрадніцкіх абшчын у станаўленні інтэлектуальнай культуры Віцебшчыны.

Ключавыя словы: культура, рэлігійныя канфесіі, інтэлектуальнае асяроддзе Віцебшчыны, стараабрадніцтва, XVII–XIX стст.

Трэцім па колькасці, пасля праваслаўных і каталікоў, хрысціянскім веравызнаннем у Беларусі былі стараабраднікі. Агульная іх колькасць па пяці беларускіх губернях у канцы XIX стагоддзя складала больш за 150 тысяч чалавек. Больш за палову прыхільнікаў гэтай веры жылі ў Віцебскай губерні. Раскол Рускай праваслаўнай царквы другой паловы XVII стагоддзя, як рэакцыя на рэформы патрыярха Нікана, адыграў немалаважную ролю не толькі ў гісторыі рускай дзяржавы, але паўплываў і на гісторыю беларускіх земляў. Адметна, што нетутэйшае стараабрадніцкае насельніцтва захавала сваю гісторыю, своеасаблівую культуру, побыт, абрады і звычаі, а таксама зрабіла пэўны ўплыў і на беларускую культуру. У стараабрадніцкім руху, ад часоў з'яўлення вылучыліся два асноўныя напрамкі: папоўскі і беспапоўскі, якія ў сваю чаргу таксама дзяліліся на шэраг згод. Стараабрадцы папоўскага напрамку сяліліся пераважна на паўднёвым усходзе Беларусі. Тут іх асноўным цэнтрам з'яўлялася Ветка. Поўнач Беларусі, у прыватнасці Віцебшчына, стала асноўнай тэрыторыяй рассялення стараабраднікаў-беспапоўцаў з Памор'я і Вялікага Ноўгарада. У іх на беларускіх землях вызначыліся тры асноўныя згоды: паморская, федасееўская і філіпаўская. Аднак з 1735 года ў рэгіёне з'яўляюцца і стараабраднікі-папоўцы веткаўскай згоды, вымушаныя пакінуць абжытыя землі ў выніку так званых "выганаў" царскага ўрада. У XIX стагоддзі цэнтрамі стараабрадніцтва ў Віцебскай губерні былі Дынабург, Полацк, Лепель, Дзісна, Невель, Вележ, Себеж.

Разам з тым, нягледзячы на ўсе цяжкасці і складанасці адаптацыі старавераў на Віцебскіх землях, перашкоды і ганенні з боку царскіх улад, яны былі прыняты беларусамі і справядліва сталі лічыць Беларусь сваёй другой Радзімай. Вядомы беларускі гісторык і этнограф XIX стагоддзя А. Кіркор у кнізе "Літоўскае і Беларускае Палессе" [3] падкрэслівае, што старавераў заўсёды адрознівала ад мясцовых беларусаў вернасць сваёй мове, барада, доўгія кафтаны і высокія боты. Іх таксама вылучалі цвярозасць, ахайнасць і дастатак. У лазні яны мыліся адзін-два разы на тыдзень. Сучаснікі адзначалі ў стараабраднікаў гонар, недаверлівасць, але ў той жа час уменне трымаць слова гонару, якое ў гандлёвых змовах прыраўноўвалася да векселя. Стараабрадцы не маглі атрымліваць крэдытныя грошы ў банках. Таму яны стварылі сваю сістэму крэдытавання, якая засноўвалася выключна на даверы і была дастаткова эфектыўнай. Сучаснікі таксама вылучалі ў старавераў такія якасці, як вынаходлівасць, прадпрымальнасць, выкрутлівасць.

Стараверы часта выступалі ў якасці скупшчыкаў мёду і воску, белых грыбоў, палотнаў і нітак, заснавальнікамі кафляных і цагельных заводаў, лесапрамыслоўцамі, арандатарамі садоў, гандлярамі хатняй жывёлай і канямі, падрадчыкамі, у гарадах і мястэчках – агароднікамі. На Віцебшчыне яны са збожжавых больш сеялі жыта, авёс і ячмень. Большая частка ячменю здавалася на бровары і ў Прыбалтыйскі край для вытворчасці піва. Таксама